

Уход Романа из нашей реальности — настоящая травма. Особенно в этом году, таком губительном для хрупкого человека.

Что есть хрупкий... Тот, кто безоговорочно занят гуманитарной профессией. Тот, кто служит ей беззаветно, работает так много, как обывателю не снится. Хрупкий торопится. Его время течёт иначе, чем у многих категорий людей. Оно летит. Мчится. Ненасытная жажда немедленно усовершенствовать мир — в основе жизни таких, хрупких и ускоренных людей.

В 90-е годы жизнь моей семьи просто была украшена появлением первых книг Льва Гурского. Чудесные приключения, яркие характерные герои. Бесстрашная фантазия. Смешная политика внутри каждой книги Гурского — море было автору по колено... Президенты и телохранители, главреды и идеологи запросто впрягались в события, месили крутое тесто фантазии автора...

Роман очень рано понял — что есть писательство. Это мощная свобода. Это власть. С этой волшебной палочкой в руке он и подступался к чему хотел, попирая мнимые величины — начальство в стране и городе.

Частный сыщик Яков Штерн стал моим героем не на один год. Какое в нем было изящество, в этом постсоветском холмсе.

А Рома писал и писал, чуть не каждый год — роман, книга обзоров фантастики, кино. Он был рыцарем Интересного Чтения. Сам он обладал ненасытным любопытством — литература, искусство, кино, — но обратил это и в ремесло, критику и обозрения того, с чем был сам знаком.

Слово сериал едва вошло в обиход — а Роман, живя в Саратове, борясь с местными трудностями, просвещал обзорами современников...

Любопытство. Целебный юмор. Огромное равнодушие к человечеству... Детская вера в место силы, свой Саратов, решительный отказ от мысли об эмиграции. Лёгкий слог и живое перо.

Мне страшно думать, что Роман, быть может, оказался стрелкой на наших общих часах... и, потеряв его, мы сломали безвозвратно эти часы.

Буду помнить тебя, Рома.

Все в моем доме будут. Это же я придумала в нашем сериале «Д.Д.Д. Досье детектива Дубровского» назвать героя Романом. Это же ты. Своей рукой я Якова Штерна назвала Романом Дубровским, когда пришло время экранизации.

А вообще-то — я многие те, о ком Рома написал. Я и ельцин, и новодворская... Но особенно я — яков штерн. А ты, Рома, нас не забывай.